

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Три и двое. Глава одиннадцатая: На узел!

Вечером Лидка, отлежавшись после нашего бурного секс приключения, засобиралась к маме. Суббота же. Каждая вторая, четвёртая суббота — поход к матери. Первая, третья — поход к моим. Она поцеловала меня, пообещала не задерживаться, выпорхнула из дома — как птичка из клетки на улицу — радостно и быстро. Я не пошёл. Отдыхал, лениво кося глаз в ящик. Можно сказать, полночи не спал, доставлял удовольствие своей супруги, хотя бы и не сам. Поэтому телефонный звонок, заставивший встать медведя с дивана, казался мне посягательством на мой законный отдых. Но едва я приложил трубку к уху, как сонливость исчезла, уступив месту очень внимательному слушанию. На том конце провода Лидка ласковым и дрожащим от нетерпения голосом говорила какие-то ласковые слова, слышались шорохи, вздохи, мычание. Это она где?! Вот и ответ — Викусенька. Она у Вики. «Я пошла к маме, к маме». К любовнице рванула, не выдержала. Трубка, очевидно, лежала на диване, так как всё шуршало, заглушая, итак, сложно различимый диалог. Если это можно было назвать диалогом. Но меня хоть и волновало происходящее на том конце провода, интересовал совершенно другой вопрос — кто звонил. Кто решился подразнить меня? Виктория? Вряд ли. Слишком она находится в состоянии изумления от происшедшего, если я правильно понял из сбивчивого и отрывистого пересказа Лидки слов и событий вчерашнего вечера. Значит, Лидка. Дразнит. Ну-ну. Я положил трубку, вернулся на диван. Силы восстанавливать надо. Скоро секс с двумя, а для этого следует быть отдохнувшим. И готовым. Я завернулся в одеяло, сделал потише этот зомбо-ящик и уснул сном праведника. А чего париться? Всё наступит, когда наступит, а знающий об этом — не торопится.

Лидка вернулась поздно вечером — весёлая, радостная. Притащила две банки домашних солений, словно у нас их не было — весь балкон заставлен. Она трепалась обо всём, кроме того, что звонила. Я держал паузу. Только когда она, сняв с себя джинсы, стала стаскивать колготки, я тихо сказал:

— А Вика как поживает? Ты её второй раз? И не удержалась, мне позвонила? Похвастаться?

— Я? Не знаю, что случилось. — Она замерла с колготками в руке. — О чём говоришь? А?

— Не знаю, что случилось. — Я повторил её интонацию. — Ты мне мульки тут не крути.

Решила похвастаться? Подразнить?

— Мишунь. — Она села рядом, ткнула меня лбом в плечо. — Не утерпела. Наверно, это не очень правильно? Вот, так дразнить мужа?

— Тебе понравилось? — Я всё-таки люблю её за вот такие выверты. А, впрочем, я её просто люблю.

— Да. — Она расправила колготки. — А можно она придёт к нам ночевать в воскресенье?

— С воскресенья на понедельник? — Эдак, мы проспим всё и вся. Ведь секс самый лучший релаксатор. После которого, не то, что на работу и двинуть рукой не охота.

— Ну, да. — Она вздохнула. — Без секса. — Свежо предание, но верится с трудом. — Просто совместно проведём время.

— Совместное время препровождение — залог стабильной семьи. — Занудным голосом ответил я. За что получил колготками по голове и страстный поцелуй.

Когда она заснула, я ещё долго лежал и смотрел в потолок. Не спалось. В голову лезли всякие мысли — по поводу и без такового. Например, что Юрка с Ольгой так ушли в семью, что

времени на друзей не осталось. Впрочем, неизвестно какие мы с Лидкой будем, если родим ребёнка. А вот Вика будет хорошей женой, тьфу, матерью. Она целеустремлённая, нежная, умная. Хватка у неё — просто закачаешься. Мысли, забегая в сумеречную зону, постепенно путались, всё больше притягивая сознание к царству Морфея. И одной из мыслей, которые я запомнил, перед тем как уснуть, была об отчестве. Викиному ребёнку я дам своё отчество и буду ей помогать. Лидка поймёт — она добрая. Тем более, что они будут беременны одновременно и родят одновременно. По крайней мере, буду стараться, чтобы так случилось. Во сне беременная Лидка, Вика, и почему-то опять беременная Ольга, гуляли вокруг меня, с колясками, в которых надрывались младенцы, а за ними стояла эта блондинка — начальник сбытового отдела в лаковом костюме, постукивала себя по оттопыренной голой попке стеклом и призывно кивала мне «мол, как, подойдёшь?». И, похоже, что тоже была с животиком. И ужас накатывал на меня волнами, как только кто-нибудь из них проходил мимо — ведь эти все были моими детьми. Сделанные моим членом, появившимся почему-то в образе того, чуть пузатенького, мужчины с виноватым лицом и застенчивой улыбкой. Нет, он не говорил, кто он, а кто я. Но я знал, что это мой член. Короче, проснулся я в поту и практически в полдень. За двадцать минут до того, как кукушка надтреснутым голосом сообщила, что время полдень.

Она стеснялась. Хотя сначала, придя к нам, она с Лидкой нежно обнялась, ещё нежней поцеловалась, а потом, уединившись, о чём-то пошущукалась. Потом из спортивной сумки были извлечены нужные домашние вещи и вуаля — в доме стали перемещаться две жены. Одна моя, вторая моей жены. Простые заботы — помыть посуду, что-то ещё сделать они делали в четыре руки, периодически нежно касаясь либо щекой, бедром, а то и губами, первой попавшейся на пути части тела. В такие минуты мне почему-то становилось не по себе, а она стеснялась. Лидка же не обращала на меня внимания и явно наслаждалась ситуацией. К вечеру я нагло завалился в кровать, взбил подушку и занял оборону. Вот, хоть убейте, не уйду с моего места! Законное. Тут я, как вы понимаете, включал дурку то есть хитрил. На диване спать может только один, а Лидка отправить её на диван не могла. Короче, я замер в ожидании развития сюжета. А эти розовые пантеры, как ни в чём не бывало, протараторили полвечера, а потом в своих ночных рубашках заявили к кровати. Я напрягся, готовясь вступить в бой за свой квадратный метр с лишним на кровати, а они, подхихкивая (опять дёрнули что ли?), завалились с левого края, потеснив меня. Лёгкая словесная карусель из недосказанных фраз, шуток и просто выразительных взглядов Лидки украсило появившуюся на кровати инсталляцию — две женские фигуры на спине с выразительными контурами, выпиравшими из-под одеяла, и мужская фигура на боку. И всё.

Мы уснули как дети в пионерском лагере — каждый под своим одеялом. Вернее сказать, я под своим одеялом, а они под своим.

Проснулся я от толчка по члену. Лёгкого толчка коленкой. Спросонья я не мог понять, кто лежит на моей груди, а когда понял, очумел. Четвёртый номер жены моей первой жены напирал на мою грудь, голова с милым ликом в сплетениях кос (и когда успели наплести?) лежала у самого уха, а голая ножка прочно удерживала мою правую ногу, упираясь коленкой в член, стоявший как фонарный столб. Скосив вбок глаза, я удостоверился, что Лидкина голова с шеей торчит из-под одеяла, её жаркие руки плавят мне мошонку и левое плечо, а грудь второго размера удобно расположилась по обе стороны левой руки. И, вот скажите мне,

что делать? Чуть пошевелюсь — обе проснутся. Так и лежал, пока Лидка не завертелась и не открыла глаза.

— Утро доброе, сладенькая. — Я улыбнулся.

— Как здорово. — Она улыбнулась, нырнула под моё одеяло, припала губами к моим губам. — Давно любишься?

— Ты как Аврора прекрасна.

— Не уходи от ответа. — Она показала глазами на обнажившиеся шикарные обводы Вики. Ночная рубашка собралась где-то под грудью, отказавшись прикрывать эту красоту.

— Красиво.

— М? — Вика подняла голову, с чуть приоткрытым глазом.

— Спи, милая. — Чуть ли не в один голос сказали мы.

Откатившись вбок, Виктория дала мне свободу манёвра. Первым делом — туалет. Но на пороге меня перехватила Дика.

— Всё потом, — прошипел я, — а то... пусти лучше.

— Ладно, поговорим. — Лидка кивнула головой, почесала бок.

Я успел не только привести себя в порядок, но и принять душ. Выходя из душа, распаренный и довольный, так как член немного успокоился, я был атакован Лидкой. Прошипев про эгоиста и ещё что-то такое, она закрылась в душевой. Но я-то знал, что я прав. Кто первый того и тапки. Так у нас повелось. Семейные традиции, знаете ли.

В кабинет мы влетели вместе, бросили свои взбодрённые общественным транспортом тела на стулья, и выдохнули. Конечно же, как я и предполагал, сбор на работу превратился в ужас. По крайней мере, для меня. Кто-то крутил щипцами, добиваясь красоты и естественности волос, ниспадающих каскадами, кто-то не мог найти свои трусы, оставленные «вот здесь». Какая разница где они сейчас, в момент такой дикой спешки, если ты одеваешь чистые, а эти собиралась засунуть в стирку? Ну, скажите, а?

Кофемашина капризничала, а я её приводил в чувство. Вика и ещё одна сотрудница из соседнего отдела терпеливо ждали, пока я усмирял это произведение японских мастеров. Наконец, струйка побежала как надо, машина заскрипела, перемалывая кофейные зёрна, и за это я получил горячий поцелуй от сотрудницы — невинный, сочный, в щёчку. И горячий, полный ревности взгляд Вики. Ого! Так и убить взглядом можно, если что.

Улучив момент, она припёрла меня к стенке, зашептала, обдавая запахом выпитого кофе, парфюма и того самого запаха, который я теперь узнаю из сотен. Или десятка, наверно.

— Ты что делаешь? — Глаза её горели. — Ты чего целуешься?

— Вика. — Не хватало, чтобы нас застали за такой картиной выяснения отношений! — Солнышко.

— Глаза за Лидку выцарапаю. — Она сделает, я ей верил.

— Лучше скажи, что мне делать? — Вопрос поставил её в тупик.

— В смысле? — Она отступила на шаг назад. — Что ты имеешь в виду?

— Что имею, то и введу. — Оскалился я. — Что мне делать с вами двумя?

— Миша. — Она вздохнула, ведь, прекрасно понимает, что мне хочется обоих. — Пока не надо ничего.

— Да? — Я прихватил её за задницу, помял.

— Дай нам время. — Вика улыбнулась — приятно. — Дай насладиться. У меня такое, — она перехватила воздух, — в первый раз.

— А у меня в день по несколько раз. — Буркнул я. — Куда мне себя девать?

— Ну. — Она подняла глаза вверх. — Ты же муж.

— А-а-а. — Протянул я. — Типа я муж и у меня есть жена.

— Нет. — Она совсем сошла с ума, впившись в мои губы, а после, отступив на шаг, добавила.

— Ты муж, а мы за тобой. Ты придумаешь. Ты умный. И очень любящий. — И ушла, оставив меня с немым вопросом — «чего ты имеешь ввиду?»

Я драл её с такой яростью, что порвал ей колготки. Она только всхлипывала, скидывалась, изгибаясь, и вновь оттопыривала свою аппетитную попку. Выстрелив в неё очередной раз, я устало отстранился от замершей в колено-локтевой позе, а проще говоря, раком, проститутки, сел на стул.

— Ну, ты драл меня. — Она, покачивая головой, подтиралась влажными салфетками, старательно и аккуратно. — Признаюсь. У меня мало таких было.

— А какие были? — Мы уже час как кувыркаемся в этой небольшой комнатухе. Я выпустил пар за все эти три вечера, пока Вика была дома. Терпел, терпел, а потом пошёл и снял ту самую, которую водкой поил. Встретил её, спешившую на построение, и увёл за собой. Она даже не сопротивлялась, только оглядывалась, словно ждала, что её отобьют от меня.

— Всякие. В основном, практические импотенты. Но были уставшие от семейной жизни. А ты какой? На уставшего от семейного секса не похож.

— Что верно, то верно. — Я похлопал по дивану. — Иди сюда.

— Слушай. — Она наклонилась, посмотрела мне в глаза. — Мне работать надо.

— Считаю нанятой себя. — Я похлопал по дивану. — Садись.

— Как тебя зовут? — Она подтянула колготки, покачала головой, увидев рваные дырки. — Порвал.

— Ничего, новые купишь. — Я потянул её к себе. — Сядь. — Она пристроилась на коленках.

— Ты знаешь, сколько я стою? — Она поправила завиток на своей причёске, улыбнулась. — Если нанимаешь?

— Не дороже денег. — Ответил я. Какая разница? Главное, она была готова на всё, кроме жёсткого анального секса. Но я это и не думал делать. — Деньги тут, вообще, ничего не значат.

— Так хреново? — Психолог доморощенный!

— Что-то заигрался я с собой. — Я откинулся назад, уставившись в потолок. — Совсем не понимаю, что я хочу. И хочу ли?

— У! — Она протянула, показывая, что с этим она сталкивается чуть ли не каждый день. — Ты чего от себя хочешь?

— Секса. — Я улыбнулся, притянул её к себе.

— Не в губы! — Она задёргалась. Опять эта женская штучка — самообман!

Она целовалась сначала деревянными губами, а потом раздухарилась, и теперь мне приходилось выстаивать её атаки. Очень волнующие атаки.

— Ещё раз? — Её рука нащупала упругий бугорок в трусах. — Четвёртый?

— А ты такая красивая, что мне тебя хочется и шестой, и седьмой. — Я не врал. Был бы в силах, драл бы её всю ночь.

— Так ты меня заебёшь. — Она промурлыкала мне в ухо. — Мне так с тобой хорошо, что денег не возьму. Только делай вот так. Да. — Мои пальцы уже нырнули под тонкий барьер трусиков, стали пробираться к её щёлке. — Но клитор не трогай. Не чувствует он. У меня стенки

влагалища чувствительные. Губы нет.

— Ничего, разожжём. — Я потянул колготки вниз. — Да, сними ты эту нефть с себя. Мне хочется чистого женского тела, а не капрона.

— Тебе так плохо? — Она откинулась, расстегнула курточку-пиджак, выпуская грудь, поднятую чашечками снизу. — Жена совсем свинтила?

— Я свинтился. — М! Её руки упёрлись в меня, сдерживая мою атаку на грудь. — Не знаю, вообще, надо ли всё это?!

— Значит надо, если ты со мной. — Трусики легли рядом тонкой полоской ткани. — Ты секс-гигант!

— Да, какой я гигант? — Обхватив её за бёдра, я покрутил её, а потом резко насадил на торчавший член.

— Блядь! — Взвизгнула она. — Ой! Ты меня до самого сердца. Нет. — Это я приподнял её, подталкивая ладонями под попку. — Не надо. Оставь! Ой! — Это я отпустил её, и член погрузился на всю длину. — Вот кому-то повезло! Ой! Ой! — Я резко, с силой насаживал её, ловя прыгающие груди губами. — Миленький! Ой!

Деньги я оставил на столике, перед кроватью на которой спала она — голая, уставшая от секса в течение нескольких часов. В теле была такая лёгкость, невесомость, можно сказать. И в голове готовый ответ на вопрос — «что делать?». Может быть, это и нарушение условия «... и на узел», но я был на своей территории и это были мои женщины. Все женщины тут мои. И по-другому не может быть.